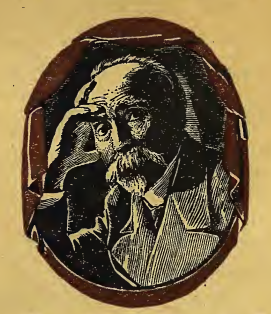
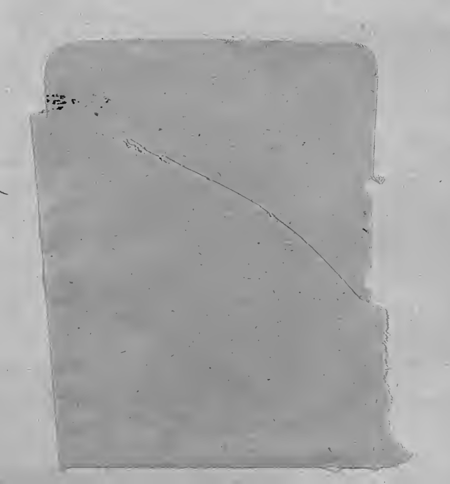
Б. И. ГОРЕВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИЗД.
„КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ
МОСКВА
1923

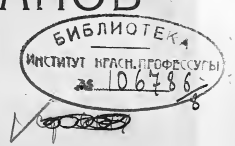
СЕРГЕЙ ЧЕХОНИН

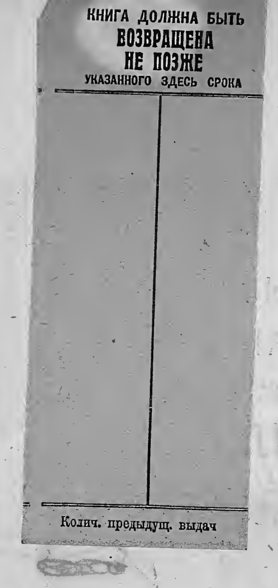
Б. И. Горев

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ

Г. В. ПЛЕХАНОВ

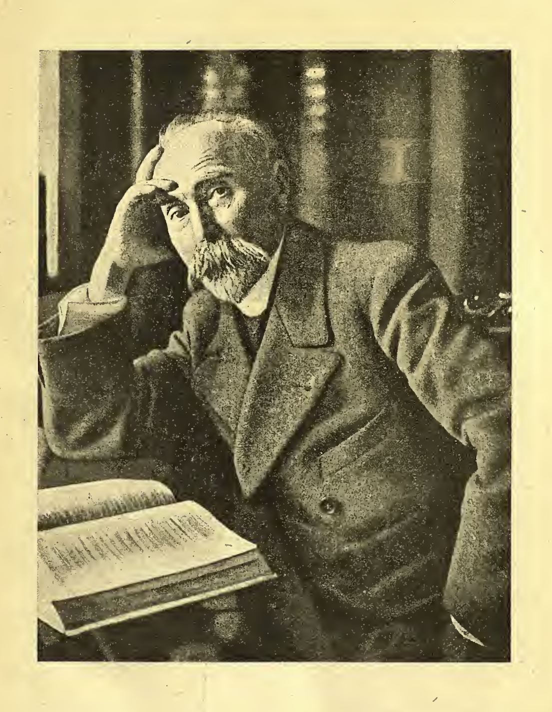

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◊ МОСКВА ◊ 1923.

Главлит. № 6901. 10.000. экз.

„Мосполиграф"—20-я тип. „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ", Пименовская, 1/16.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ
Г. В. ПЛЕХАНОВ.

I.

Жизнь и деятельность.

30-го мая 1923 г. истекает пять лет со дня смерти учителя русских рабочих и родоначальника русского марксизма—Георгия Валентиновича Плеханова. И пора уже, чтобы все сознательные рабочие и крестьяне познакомились с этой громадной и яркой фигурой, познакомились хотя бы в кратких чертах с тем, что он сделал для мирового и русского пролетариата, какую роль он играет в развитии научного социализма, как цельного и всеобъемлющего миросозерцания.

Жизнь Плеханова не богата драматическими событиями. Он был по преимуществу человек мысли, теории. Но зато в этом отношении его имя связано со всем общественным и революционным движением в России, начиная с середины 1870-х годов, и является в то же время одним из самых громких имен среди выдающихся европейских социалистов. Поэтому всякий биографический очерк, всякая характеристика, посвященная Плеханову, неизбежно связаны не только со всей историей русского социализма за последние 40 лет, но одновременно и с историей общественной и философской мысли в России и на Западе.

Плеханов происходил из дворян Тамбовской губернии и родился в 1856 г. в семье отставного гусарского офицера. По примеру отца и старших братьев, маленький Жорж, как его звали в семье (а впоследствии и товарищи по револю-

ционной работе), с самого раннего детства проявлявший огромную любознательность и страсть к книгам,—пожелал избрать себе военную карьеру (в чем, быть может, уже тогда сказывалась боевая натура будущего революционного и идейного борца и страстного полемиста—спорщика). Он поступил на десятом году в воронежскую военную гимназию, блестяще окончил ее и затем перешел в Константиновское военное училище с тем, чтобы впоследствии поступить в академию генерального штаба.

Подобно многим революционерам мысли, подобно Чернышевскому и Писареву Плеханов в отроческом возрасте ничем не проявлял будущего „ниспровергателя основ". По свидетельству его ближайшего друга и многолетнего единомышленника, ныне здравствующего Л. Г. Дейча [1]), „как в военной гимназии, так затем и в Константиновском училище Плеханов резко выделялся среди сверстников не только своими способностями, развитием и любознательностью, но также всегда образцовым исполнением всех требований начальства по части дисциплины и субординации".

Несомненно, что при других условиях из Плеханова вышел бы крупный военный специалист. Но историческое развитие России именно к тому времени, когда Плеханов кончал Константиновское училище, т.-е. в 1874 г, выдвинуло на первый план массовую борьбу революционной интеллигенции со всем не только самодержавно-дворянским, но и буржуазным строем. Это движение, известное под названием народничества, объясняется не только разочарованием молодежи, в том числе наиболее чуткой и мыслящей дворянской молодежи того времени, в „реформах" Александра II, который круто повернул к реакции, массами арестовывал студентов, закрывал передовые журналы, отправил на каторгу любимого поэта молодежи Михайлова и ее идейного вождя Чернышевского. Эта молодежь не могла удовлетвориться и буржуазными порядками Европы, где в 1871 г. „республиканское" правительство Франции с зверской беспо-

---

[1]) Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Выпуск. От народничества к марксизму. Изд. „Новая Москва" 1922 г.

щадностью потопило в крови восстание парижских рабочих, известное под именем Парижской Коммуны. Вот почему революционная молодежь 70-х годов, в том числе „кающиеся дворяне", т.-е. те представители дворянской молодежи, которым стыдно стало их паразитического состояния, которые хотели „вернуть долг народу",—примкнули к народническому социализму.

Народники верили, что русский народ, многомиллионное русское крестьянство, благодаря общинному владению землей, вполне подготовлено к социалистическому учению. Им казалось, что каждый трудовой крестьянин—в душе бессознательный социалист. Стоит лишь разъяснить ему его положение, направить на верный путь его ненависть против помещиков и „начальства", как он подымется всей своей массой и водворит на Руси вольные общинные порядки анархо-социалистический строй.

Поэтому народники надеялись, что мужицкая Россия перешагнет через капитализм, что в ней не будет городского пролетариата, и что мы сразу из царской, только что вышедшей из крепостного права России перепрыгнем в царство крестьянского социализма. Поэтому также народников вначале не интересовали вопросы политической свободы и борьба за конституцию, т.-е. за ограничение самодержавия, за народное представительство. Наоборот, они даже думали, что политическая свобода будет лишь на руку нарождающейся буржуазии, даст ей возможность укрепиться, поможет развитию капитализма в России, и тем самым задержит социалистическую революцию.

Правительство Александра II жестокими преследованиями народников-социалистов, массовыми арестами, ссылками и даже казнями ответило на их агитацию в народе. С другой стороны, крестьянская масса осталась глухой к этой агитации, не понимала ее и недоверчиво относилась к переодетым городским барчукам. Под влиянием этого в 1879 г. часть народников признала необходимость политической борьбы с правительством, борьбы за политическую и гражданскую свободу, за парламент, за все то, чем уже пользовалась буржуазия передовых стран Запада. Эта часть народ-

ников откололась от тайной революционной организации „Земля и Воля“ и образовала партию „Народной Воли“, народовольцев. Но, не опираясь ни на какое широкое общественное движение, народовольцы самую борьбу с правительством понимали, как единоборство, и почти все свои силы затрачивали на террор, на убийство наиболее ненавистных чиновников, а потом и самого царя.

Вот каковы были те общественные условия, в которых начал свою революционную деятельность Плеханов и в которых он сразу выдвинулся на одно из первых мест. Как только в стены Константиновского училища проникли первые вести о начавшемся „хождении в народ“ социалистической интеллигенции, т.-е. о попытках массовой пропаганды в крестьянстве, а также о том грандиозном разгроме интеллигенции, которым ответило правительство на эту мирную пропаганду,—18—19-ти-летний юноша Плеханов стал в ряды „кающихся дворян“, отказался от военной карьеры и поступил в студенты горного института. Там, наряду с упорным изучением естественных наук, он с головой окунулся в самую гущу волновавших студенчество общественных интересов.

С конца 1875 или с начала 1876 г. Плеханов завязывает знакомство с некоторыми наиболее видными революционерами того времени, посещает их сходки, примыкает к „народникам-бунтарям“, последователям известного русского анархиста Бакунина, горячим поклонником которого он делается сам. А в конце 1876 г., 20 ти лет от роду, Плеханов— уже видный член петербургской организации „Земли и Воли“, занимается пропагандой среди рабочих, организует знаменитую демонстрацию на Казанской площади, о которой нам еще придется говорить. С этого момента он становится известным и полиции и широким кругам революционеров и, усердно разыскиваемый, уезжает на время за границу.

Через несколько месяцев Плеханов вернулся в Россию еще более убежденным народником-бунтарем и поехал по провинции для агитации среди крестьян. Вместе с тем он сделался одним из редакторов центрального органа народнической организации, журнала „Земля и Воля“. И если его

ораторскому таланту удавалось в то время мало развернуться в условиях тайной подпольной работы, то его литературный талант и особенно неотразимая сила логики и подкупающая искренность тона уже заметно чувствуется в его статьях в „Земле и Воле“.

В этих статьях, заимствовав от Бакунина марксовское материалистическое понимание истории и толкуя его по-своему, по-народнически, Плеханов доказывал, что, раз Россия не вступила еще на путь капиталистического развития, то у нее не отрезана возможность миновать этот путь и при помощи крестьянского восстания перейти постепенно от тех зародышей социализма, которые имеются в крестьянской общине, к развитому безгосударственному социализму. При этом, думал Плеханов, „главные усилия... должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться „на всей своей воле“ [1]).

При таких взглядах Плеханов естественно выступил решительно против нового течения в среде русских революционеров, которое проявилось с начала 1879 г. и стремилось путем террора заставить правительство дать конституцию. Вместе с другими народниками-бунтарями, оставшимися верными прежней программе, он считал, что новая тактика превратит русских революционеров из социалистов анархистов в политических радикалов и во всяком случае отвлечет их силы от главной задачи—работы в крестьянстве.

И вот на воронежском съезде „Земли и Воли“, где произошел откол народовольцев, Плеханов пылко и энергично отстаивал основные взгляды крестьянского социализма, боролся против террора, против увлечения политикой и буржуазными политическими свободами, словом, против тех взглядов, которые особенно талантливо развивал будущий вождь народовольцев—Андрей Желябов. А после рас-

[1]) Сочинения Плеханова, т. I стр. 15, из статьи в № 3 „Земля и Воля“ от 15 янв. 1879 г.

кола Плеханов вместе с ближайшими единомышленниками основал новую народническую группу „Черный передел“, которая попрежнему все свои надежды возлагала на крестьянское восстание.

Но любопытно, что уже тогда, находясь, казалось, столь далеко от марксизма и проповедуя заведомо утопические, неосуществимые идеи, Плеханов часто высказывал более здравые мысли, чем народовольцы. Он понимал, что лишь то революционное движение может рассчитывать на успех, за которым пойдут широкие массы, и заранее считал обреченной на неудачу борьбу одиночек-интеллигентов с правительством, какой бы геройской эта борьба ни была. И, действительно, народовольцы убили царя, но не убили царизма, т.-е. всего царского порядка, который погиб лишь тогда, когда восстал весь народ.

В то же время, хотя молодой Плеханов верил умом в социалистическое настроение крестьянства, душа его с самого начала тянулась к городским рабочим. Он сам рассказывает об этом в своих замечательных воспоминаниях о «Русском рабочем в революционном движении». Правда, он не верил тогда в возможность самостоятельного рабочего движения в России. Он смотрел на рабочих, как на тех же крестьян, которые лишь случайно попали в город, на фабрику, и которые сумеют лучше понести социалистическое учение в деревню, так как им крестьяне скорее поверят чем интеллигентам, «скубентам». Но вместе с тем он видел и чувствовал, какая пропасть отделяет понимание рабочего от понимания крестьянина, он видел, как легко, доверчиво и жадно, в отличие от крестьянина, слушают рабочие социалистические речи.

Точно также, отрицая, согласно своим взглядам, политическую борьбу, Плеханов на деле—и в этом снова сказалось уже тогда его здоровое революционное чутье—был одним из организаторов первой политической демонстрации в Петербурге на Казанской площади 6-го декабря 1876 г. В этой демонстрации участвовали рабочие-социалисты, и здесь Плеханов произнес открыто свою первую политическую речь, речь против самодержавия.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что спустя всего два года после того, как он в 1880 г., спасаясь от преследования русской полиции, окончательно уехал за границу, в его взглядах произошел резкий поворот.

Изучив сочинения Карла Маркса и ознакомившись с движением европейских рабочих, он становится решительным противником народничества и издает в 1883 г. свою первую социал-демократическую брошюру: «Социализм и политическая борьба». В ней он доказывает, что именно политическая борьба рабочего класса и его политическое освобождение являются необходимым предварительным условием его экономического освобождения. В том же году он вместе со своими ближайшими товарищами П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич основывает первую русскую революционно-марксистскую организацию: «Группу освобождения труда».

С этого года ведет свое начало русская социал-демократия, как идейное течение, возлагающее все надежды не только осуществления социализма, но и ближайшего освобождения России от самодержавного гнета—на русский рабочий класс.

В этом же году Плеханов издал свою замечательную книгу «Наши разногласия», в которой критикует народничество и доказывает правильность марксистского учения. В этой книге Плеханов впервые указывает, что крестьянство в своей массе не может стать в данное время опорой для социализма. В России уже появилась и все более развивается городская промышленность, устанавливается капиталистический строй, и он ведет с собою своего неизбежного спутника и непримиримого врага, который его уничтожит,—пролетариат. Следовательно, в России, как и в Европе, именно пролетариат есть тот класс, который больше всего заинтересован в политическом преобразовании России и больше всех других классов, по самому своему положению, способен к настойчивой, последовательной и организованной революционной борьбе, способен на роль застрельщика будущей русской революции.

Этой идее посвятил Плеханов 15 лет своей жизни до тех

пор, пока она не стала общепризнанной, и в этом одна из его величайших заслуг перед русской общественной жизнью, перед русским пролетариатом, перед русской революцией. В самую мрачную пору политического и общественного застоя 80-х годов, после крушения и распада всех прежних революционных кружков, когда вся интеллигенция изверилась в революционные идеалы, и в стране, казалось, умерло все живое, в это время Плеханов увидел то, чего наследники народничества не хотели видеть много лет спустя: он увидел новую нарождающуюся революционную силу—рабочий класс. С этим классом связал он все свои упования революционера и социалиста, на служение этому классу, в помощь его политической и экономической борьбе отдал он все свои силы, свое здоровье, свои глубокие и всесторонние познания, свой огромный и блестящий литературный талант.

Над Плехановым и его учениками смеялись, как над чудаками, которые надеются освободить Россию от гнета самодержавия при помощи рабочих, составляющих ничтожное меньшинство населения. Когда Плеханов на первом международном социалистическом конгрессе (съезде) в Париже сказал свою знаменитую фразу, что «революционное движение в России победит, как движение рабочих, или не победит вовсе», к этому отнеслись недоверчиво даже многие европейские социалисты. Но уже семь лет спустя, после ожесточенной идейной борьбы учеников Плеханова в России, первых русских марксистов, со старыми народниками, в 1896 г. разразилась грандиозная 30-ти-тысячная стачка петербургских ткачей и прядильщиков.

Эта стачка начала собою новую эпоху в истории России. Революционное значение русского пролетариата было всеми признано. Его выступление с восторгом приветствовал заседавший тогда четвертый международный социалистический конгресс в Лондоне. Плеханов получил наивысшее удовлетворение, какое может выпасть на долю общественного деятеля.

Но уже в середине 80-х годов, под влиянием первых со-

чинений Плеханова, проникших в Россию, в Петербурге образовалась первая марксистская группа, во главе с болгарином Благоевым (ныне одним из вождей болгарской коммунистической партии). Эта группа, в которую входил ряд развитых рабочих, уцелевших от периода революционного народничества, вступила в непосредственные сношения с Плехановым, и он написал для их органа статью и программу будущей социал-демократической партии. А с конца 80-х годов число марксистских кружков, выросших на сочинениях Плеханова, все растет. С середины 90-х годов эти кружки, особенно в западных губерниях, Польше, Петербурге и Москве, переходят от кружковой пропаганды к массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд, т.-е. к той тактике, которую Плеханов-землеволец рекомендовал и проводил еще в 1878—79 г.г., во время первых петербургских стачек. Наконец, в марте 1898 г. все эти кружки сливаются и образуют „Российскую Социал-Демократическую Рабочую партию“, виднейшим теоретиком и идейным вождем которой естественно становится Плеханов.

В самом деле, одновременно с первыми своими политическими брошюрами 80-х г.г. Плеханов выступил, как выдающийся теоретик в разных областях марксистского миросозерцания. В 1882 и 1883 гг. он напечатал под псевдонимом „Валентинов“ в наиболее популярном тогда легальном журнале „Отечественные Записки“ две больших статьи: „Новое направление в политической экономии“ и „Карл Родбертус Ягецов“, в которых проявил себя незаурядным знатоком экономической науки. В издававшемся им за границей в конце 80-х и начале 90-х годов журнале „Социал-демократ“ он выступил, как проницательный марксистский критик и историк нашей литературы и общественной мысли. А с середины 90-х годов, в ряде работ на русском и немецком языках Плеханов обратил на себя всеобщее внимание в качестве первоклассного знатока философии, истории культуры вообще, религии и искусства в частности, в качестве оригинального и остроумного мыслителя. Таковы его книги „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, „Основные вопросы марксизма“, „Очерки по истории материализма“

(эта книга появилась на немецком языке в 1896 г. и лишь недавно переведена на русский язык), а также ряд статей в сборниках „За 20 лет“, „Критика наших критиков“, „От обороны к нападению“ и в многотомных, составленных разными авторами историях русской и западной литературы. Наконец, за несколько лет до смерти, Плеханов начал большую работу „История общественной мысли в России“, но успел написать всего три тома.

Подробнее о Плеханове, как мыслителе, мы поговорим в следующей главе. Теперь же скажем лишь, что идейное влияние Плеханова не только на русский марксизм, но и на всю русскую общественную мысль за последние 20—25 лет—было огромно. Он сделался общепризнанным учителем не только русских рабочих, но и ряда поколений русской интеллигенции.

Научной и литературной деятельности Плеханова в первые годы его эмиграции сильно мешали материальные заботы и прямая нужда, которая временами была так велика, что у него, как он кратко сообщал в одном из писем к известному социалисту Лаврову, иногда не бывало даже денег на почтовую марку. В России наступила глухая реакция. Революционные организации распались. Старые товарищи были на каторге и в ссылке (в 1884 г. был арестован в Германии и выдан русскому правительству Л. Г. Дейч) или же ушли в личную жизнь и даже становились ренегатами. Поддержки из России поэтому не было. Легальная литературная работа, которая давала бы заработок, с закрытием „Отечественных Записок“ (в 1884 г.), тоже прекратилась. А заграничные издания Плеханова не только не оплачивали его труда, но сами, наоборот, требовали расходов на печатание.

И при таких условиях, подобно Марксу в первые годы его лондонской эмиграции, после разгрома европейских революций 1848 г., Плеханова поддерживала лишь глубокая уверенность в правильности его марксистского анализа общественной жизни России, в правильности его предсказаний о будущей освободительной роли русского пролетариата, духовному и классовому пробуждению которого он посвятил свою жизнь. И действительно, вместе с ростом рабочего движения

облегчались и цензурные условия в России. С середины 90-х годов, как мы уже знаем, выходят под псевдонимами легальные книги Плеханова, появляются первые марксистские журналы (из них особенно замечателен по своему значению и интересу выходивший в 1897 г. в Петербурге журнал „Новое Слово“), в которых Плеханов помещает под разными псевдонимами ряд блестящих статей. Вместе с прекращением духовного одиночества, так томившего его больше 10 лет, улучшается и его материальное положение, и он не испытывает больше нужды.

Но, с другой стороны, тот же рост рабочего движения и партийных социал-демократических организаций в России вызвал и первые разногласия внутри самих с.-д. и заставил Плеханова начать борьбу за правильное понимание революционного марксизма, за правильную тактику. В этой борьбе, как мы увидим в дальнейшем, Плеханов нанес не один могучий и ловкий удар противникам. Но в вопросах тактики сказались и слабые его стороны, оторванность от России нерешительность и колебания.

На 2-м съезде партии, где вырабатывалась ее программа (автором которой и был, главным образом, Плеханов), он был еще во цвете своей теоретической силы и революционной страсти. Но после раскола партии на большевиков и меньшевиков, он начал колебаться: был то с одними, то с другими, то оставался одиноким, вне фракций. Впрочем, он активно участвовал и на стокгольмском съезде партии (в 1906 г.) и на лондонском (в 1907) и произнес там ряд речей, блестящих по форме и глубоких по содержанию.

С самого возникновения II-го Интернационала Плеханов принял в нем энергичное участие и был членом всех почти без исключения международных социалистических конгрессов. И если на первом парижском конгрессе 1889 г. Плеханов представлял лишь маленькую группу отрезанных от России эмигрантов, то на лондонском конгрессе 1896 г. он имел уже мандат от петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, только что тогда прославившегося на весь мир, благодаря летней стачке ткачей и прядильщиков, которая проходила под руководством Союза.

На парижском конгрессе 1900 г. Плеханов энергично боролся с теми французскими социалистами, которые одобряли вступление социалиста Мильерана (нынешнего президента буржуазной и реакционной французской республики) в буржуазное министерство. На амстердамском конгрессе 1904 г., в разгар русско-японской войны, Плеханов демонстративно пожал руку японскому социалисту Катаяма (теперь—вождь японских коммунистов и член Исполкома Коминтерна), чтоб подчеркнуть, что война между буржуазными правительствами России и Японии не может и не должна нарушить единство интересов и классовую солидарность пролетариата обеих стран.

Плеханов сделался одной из самых уважаемых фигур II-го Интернационала и был членом международного социалистического бюро, представляя в нем российскую социал-демократию, сперва один, а потом, после раскола,— вместе с Лениным. Он был единомышленником и даже другом французского марксиста Жюля Геда, немцев Бебеля и Каутского, австрийца Виктора Адлера. Зато его ненавидели все оппортунисты, которым он наносил сокрушительные удары и на конгрессах и на страницах русской и европейской марксистской печати. Но, в конце-концов, и он разделил судьбу огромного большинства вождей II-го Интернационала, которые, сохраняя старые слова революционного марксизма, на деле незаметно превращались в оппортунистов, постепеновцев, „соглашателей". И когда наступил великий и грозный экзамен, в поворотный момент всей истории человечества, когда вспыхнула мировая война, Плеханов, как и Гед, как все почти немецкие и австрийские с.-д., изменил интернациональным заветам марксизма, интернациональным лозунгам социалистических конгрессов и стал на патриотическую точку зрения.

Об особенностях и причинах всех изгибов и колебаний Плеханова в тактике социал-демократии мы поговорим в особой главе. Пока же напомним в заключение, что Плеханов, пробыв в эмиграции целых 37 лет, после февральской революции вернулся в Россию и был встречен с огромным почетом. Но и тут, под влиянием патриотического угара,

Плеханову снова изменило его революционное чутье: он не понял ни всей глубины и захвата русской революции, ни того, что весь капиталистический мир идет навстречу грозным потрясениям, великим революционным бурям.

С чисто юношеской энергией, несмотря на свои 60 с лишним лет, несмотря на болезни и особенно болезнь горла, которые мучили его уже много лет, Плеханов снова, уже в последний раз бросился в идейную борьбу политических партий в России. Но на этот раз его энергия была направлена по ложному пути. Он основал отдельную социал-демократическую организацию „Единство" и газету того же имени. Но и организация и газета видели перед собой лишь одну цель: войну с немцами „до победного конца" и беспощадную борьбу со всеми, кто эту войну срывает. Поэтому Плеханов выступал не только против большевиков, но даже против сколько-нибудь левых меньшевиков. Он считал гибельным углубление революции, призывал к гражданскому миру между классами и партиями.

Поэтому он оказался одинок в рядах всей почти социал-демократии и зато, как бы по насмешливой прихоти судьбы, сблизился с прежними злейшими своими противниками—правыми народниками, в том числе с таким уже тогда ренегатом социализма, как Савинков, впоследствии вождь белогвардейцев (впрочем, с Савинковым Плеханов подружился на личной почве за границей еще до войны).

После октябрьского переворота Плеханов жил в стороне от бурной политической жизни, больной, почти одинокий. Поистине трагичен был его конец. Он был разочарован в той революции, которой он так страстно ждал всю свою жизнь, был покинут тем русским пролетариатом, пришествие которого он предсказал еще 35 лет перед тем, и умер (30-го мая 1918 г.), после брестского мира, который казался ему величайшим несчастьем и позором его родины и тяжким поражением для дела социализма, умер в Финляндии, где в то время хозяйничала ненавистная ему германская военщина...

II.

Плеханов—теоретик марксизма.

Мы уже знаем, что Плеханов был не только учителем и руководителем русских марксистов и русских сознательных рабочих. Он был сам глубоким мыслителем и исследователем, истинным продолжателем дела Маркса и Энгельса. В качестве знатока философии марксизма, т.-е. основных идей этого учения, в качестве марксистского историка европейской и русской общественной мысли, в качестве марксистского критика и историка литературы и искусства,—он не имеет себе равного.

В области философии великой заслугой Плеханова является то, что он ввел ее в обиход всех марксистов, сделал центром марксистского миросозерцания философский материализм, который он изучал и популяризировал с любовью, за который боролся со всеми противниками необычайно энергично и страстно.

Сами Маркс и Энгельс были убежденными материалистами. Они знали и учили, что мир насквозь материален, что нет никакого духа, никакой души отдельно от материи, что так называемая психическая деятельность есть лишь одно из свойств этой материи, одна из форм ее существования. Они знали и учили, что никакого бога нет, что мир никем не создан и никем не управляется, что он существует вечно и развивается по собственным внутренним законам, к познанию которых человек непрерывно приближается. В этом отношении Маркс и Энгельс были учениками и последователями великих французских материалистов XVIII века—Дидро, Гольбаха, Гельвеция и других. Только к их материализму, лишенному идеи развития, Маркс и Энгельс применили заимствованный у германского философа Гегеля „диалектический метод“, т.-е. изучение всех явлений в процессе вечного движения, в непрерывном развитии и изменении, полных внутренних противоречий и борьбы.

Вот этому диалектическому материализму [1]), его изучению и развитию посвятил Плеханов много лет своей жизни и много блестящих страниц своих сочинений (особенно „К развитию монистического взгляда на историю“, книга, вышедшая в конце 1894 г. под псевдонимом Бельтова, „Основные вопросы марксизма“ и „Очерки по истории материализма“).

Со 2-й половины XIX в. буржуазная интеллигенция Европы, в лице ее ученых и философов, стала пугаться материализма, этого духовного оружия борющегося пролетариата, стала склоняться к идеализму, к религии, отрицала возможность для человека познать истину. При этом вся эта интеллигенция опиралась на знаменитого германского философа Канта, жившего в конце XVIII в. и будто бы доказавшего несостоятельность материализма. Буржуазные философы заполнили все европейские университеты и написали сотни толстых книг для посрамления ненавистного им материализма, который был объявлен устарелым, ненаучным учением, недостойным быть за общим философским столом.

Между тем, борющемуся пролетариату, жившему в тяжелых условиях существования, было пока, за немногочисленными исключениями, не до философии. А социалистическая интеллигенция, вышедшая из буржуазных университетов и ослепленная блеском буржуазных ученых профессоров, верила им часто на слово и тоже склонялась к мысли, что материализм „устарел“.

Вот Плеханов и взял на себя благодарную задачу вернуть материализму его настоящее значение. Он, с одной стороны, основательно изучил не только Маркса и Энгельса, но и их ближайших учителей,—идеалиста Гегеля и материалиста Фейербаха. А с другой, он взялся за изучение старых материалистов, особенно Гольбаха и Гельвеция, и в этом отношении сделал настоящие открытия, показав, как фальсифицировали, т.-е. исказили, оболгали их буржуазные профессора, показав, сколько у них свежих и оригинальных мыслей,

[1]) Подробнее см. в нашей книжке—„Материализм — философия пролетариата“, изд. 2-е.

как плодотворен и научен их метод. Плеханову принадлежит честь сделаться рыцарем воинствующего материализма, рыцарем, который в яркой и блестящей форме делал доступным диалектический материализм всем сознательным рабочим и одновременно наносил меткие и убийственные удары всем „критикам" материализма в рядах социалистов, всем, кто этой „критикой" пытался затуманить головы рабочих.

„Жестоко ошибается тот,—писал Плеханов,—кто воображает, что „критика Маркса" теперь уже не опасна для успехов рабочего движения: она до сих пор очень опасна и всегда будет очень опасна для них, т.-е., говоря точнее, для менее сознательных слоев рабочего класса, потому что она стремится вырвать из их рук ничем незаменимое для них теоретическое оружие и, под предлогом движения вперед, толкает рабочих назад, выдавая им за самоновейшую истину софизмы и пошлости нынешнх апологетов [1]) капиталистического способа производства. И эта опасность тем более велика, чем более склонны пренебрегать „теорией" практические деятели всего мира".

Поэтому Плеханов в философских спорах беспощадно обрушивался не только на немецких, но и на русских социалдемократов, которые Маркса хотели соединить то с Кантом (как Струве 90-х г. г.), то с новым противником материализма—Махом (как А. Богданов). Для Плеханова отречение от философского материализма было равносильно отречению от партии, и он упорно называл в печати большевика А. Богданова „господином", а не товарищем.

Но если в области философского материализма Плеханов был все же, главным образом, блестящим популяризатором и пропагандистом, а также непримиримым идейным врагом всех его противников, то настоящим исследователем и продолжателем Маркса он явился в области материализма исторического.

Исторический материализм или материалистическое понимание истории, как известно, целиком создано Марксом и Энгельсом. Согласно этому учению, все развитие человече-

[1]) Т.-е. защитников, хвалителей.

ского общества, формы общественной жизни, формы семьи и государства, наконец, развитие идеологий, т. е. разных общественных идей и верований, религиозных, нравственных, философских и т. д.,—все это в конечном счете определяется развитием производительных сил, т. е. теми способами, какими люди добывают себе средства к жизни. Эта великая идея послужила настоящей путеводной звездой, настоящим ключем в запутанном клубке истории человечества. При помощи исторического материализма история впервые делается наукой, а не капризным сцеплением случайных фактов и событий; впервые, следовательно, человек может предсказывать будущее не только в природе, как до сих пор, но и в общественной жизни.

Сами Маркс и Энгельс дали не только общую формулировку, общее изложение своего учения, но и ряд блестящих примеров ее применения на практике, в объяснении сложных исторических фактов и явлений. Тем не менее и после них оставалась еще необъятная область для исследований в духе исторического материализма, особенно для объяснения самого трудного вопроса, вопроса о происхождении и развитии идеологий: религии, права, нравственности, искусства и т. п. И в этом отношении среди теоретиков-марксистов, как Каутский, Кунов, Меринг в Германии, Лафарг во Франции, Лабриола в Италии, Крживицкий в Польше, Плеханову несомненно принадлежит первое место как по глубине и обстоятельности его исследований, так и по блеску и остроумию изложения.

Кроме увлекательного развития самого метода исторического материализма, Плеханов самостоятельно занимался, главным образом, вопросами религии и искусства, а также историей литературы. В работах, посвященных Белинскому, Чернышевскому, беллетристам-народникам, Плеханов дал блестящие образчики применения материалистического метода к критике и истории летературы. Что же касается материалистического объяснения искусства, то Плеханов в полном смысле слова является пионером, пролагателем новых путей, создателем социологической теории искусства и красоты. Он показал убедительно, что содержание и форма в искусстве,

что самое понятие красоты зависят от общественных отношений.

„В литературе, искусстве выражается общественная психология, а характер общественной психологии определяется свойствами тех взаимных отношений, в которых находятся люди, составляющие общество. Эти отношения зависят, в последнем счете, от степени развития общественных производительных сил. Каждый значительный шаг в развитии этих сил ведет за собою изменение в общественных отношениях людей, а вследствие этого и в общественной психологии. Перемены, совершающиеся в общественной психологии (в свою очередь) отразятся с большей или меньшей яркостью и на литературе и искусстве". Плеханов писал далее, что „человек, не отдающий себе отчета в той борьбе, многовековой и многообразный процесс которой составляет историю, не может быть сознательным художественным критиком". Для него искусство вне жизни не существовало. Но, с другой стороны, он не ограничивался простым и отвлеченным указанием на связь искусства с экономической и классовой борьбой. В качестве знатока и тонкого ценителя литературы и искусства, Плеханов в каждом отдельном случае пытался понять и объяснить всю сложную и запутанную обстановку, которая именно лишь в этой своей сложности может дать ключ к пониманию идеологий вообще и искусства в частности. Вот эта тонкость в подходе к духовной жизни человечества, это отсутствие упрощенности выгодно отличает Плеханова от многих других теоретиков исторического материализма.

В качестве историка общественной мысли Плеханов прославился не только своими работами по истории общественной мысли в России, но еще и в высшей степени интересными и важными исследованиями о предшественниках Маркса и Энгельса. К ним он относит не только французских материалистов XVIII в., не только великих социалистов-утопистов—Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и буржуазных французских историков первой трети XIX в.—Гизо, Тьерри, Минье и других, которые, под влиянием опыта Великой французской революции, пришли к зародышам теории клас-

совой борьбы и к смутному предчувствию роли экономического фактора и экономических отношений в истории. И в этом отношении открытия Плеханова представляют собою серьезный вклад в науку.

Плеханов умел излагать свои взгляды в исключительно красивой и яркой форме и притом одинаково хорошо и в литературной и в устной речи. Мы уже видели, что литературный талант Плеханова проявился уже в ранней молодости, в его народнический период. Что касается ораторского таланта, то хотя уже и тогда Плеханову присвоили в революционной среде кличку „оратора“, но настоящим образом этот дар развернулся у него лишь в эмиграции, в свободных политических условиях Швейцарии, на собраниях русских революционеров и студентов. Главной особенностью как писаний, так и речей Плеханова является ясность и простота изложения, искренность и убежденность тона и прекрасный, изящный литературный язык. В смысле языка он иногда не уступает таким мастерам стиля, как Герцен или Писарев.

Но особенного блеска достигает Плеханов (как мы еще увидим в следующей главе) тогда, когда он полемизирует, спорит с противником. Заключительные слова его докладов, где он возражал оппонентам, бывали обыкновенно источником настоящего духовного наслаждения: столько в них было остроумия и меткой находчивости. А его большие политические сочинения, особенно „К развитию монистического взгляда на историю“, принадлежат к лучшим образцам такого рода литературы.

В заключение приведем блестящую характеристику Плеханова, как спорщика в вопросах теории, принадлежащую перу Л. Троцкого [1]):

„Только один раз мне довелось видеть и слышать Плеханова, так сказать, во всей силе и во всей славе его: это было в программной комиссии II съезда партии (в июле 1903 г. в Лондоне)... В комиссионных прениях Плеханов был неподражаем и... беспощаден. По каждому поднимавшемуся вопросу и даже вопросику он без всякого усилия мобилизо-

---

[1]) „Под знаменем марксизма“, № 5—6, стр. 8—9.

вал свою выдающуюся эрудицию и заставлял слушателей и самих оппонентов убеждаться в том, что вопрос только начинается там, где авторы поправки думали закончить его. С ясной научно-отшлифованной концепцией программы в голове, уверенный в себе, в своих знаниях, в своей силе, с веселым ироническим огоньком в глазах, с колючими и тоже веселыми усами, с чуть-чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как живой фейерверк учености и остроумия. Отблеск его вспыхивал обожанием на всех лицах и даже на лицах оппонентов, где восторг боролся со смущением".

III.

Плеханов в борьбе с народничеством.

Русский марксизм, главным основоположником и учителем которого был Плеханов, должен был неизбежно начать с критики народничества, как идейного течения, всецело господствовавшего над умами революционной молодежи того времени. Русскому марксизму необходимо было, прежде всего, завоевать себе право гражданства в умах передовой российской интеллигенции и распропагандированных рабочих. Это была долгая и упорная борьба с закоренелыми предрассудками, освященными героическим и мученическим ореолом революционеров 70-х и начала 80-х гг.

Она продолжалась с 1883 г., т. е. с момента образования „Группы Освобождения Труда", вплоть до 1896 г., до знаменитой летней стачки 30 тысяч ткачей и прядильщиков в Петербурге, когда рабочий класс своей практикой лучше всего доказал самым упрямым или слепым людям правильность марксистской теории и когда социал-демократия сделалась общепризнанной силой, общепризнанным фактором русской жизни.

И до самой середины 90-х годов, когда появилось новое поколение молодых марксистов (сперва Струве, сразу обнаруживший в своем марксизме определенный буржуазный душок, и

потом Потресов, Мартов и особенно Ленин),—все это время главная тяжесть борьбы с народничеством и прокладывания совершенно новых путей в русской общественной мысли выпала на долю почти исключительно одного Плеханова.

Именно он, огромная идейная работа, проделанная им за эти годы, начав с привлечения немногих одиночек и небольших кружков в разных городах России, спустя 12 лет, с выходом в свет „Монистического взгляда на историю", завоевали для марксизма лучшую часть интеллигенции и наиболее сознательных рабочих.

И первая книга, с которою выступил Плеханов против народничества, знаменитые „Наши разногласия", книга изумительная по богатству и глубине содержания, силе аргументации и блеску изложения, книга, до сих пор читающаяся с захватывающим интересом и содержащая прямо пророческий анализ будущих судеб России,—эта книга создала марксизму пламенных сторонников и многочисленных озлобленных врагов.

Плеханов выступил с критикой обоих разновидностей русского революционного народничества: бакунизма и бланкизма (в лице Ткачева и некоторых литературных представителей „Народной Воли", особенно Тихомирова) и со своим несравненным талантом полемиста доказал всю беспочвенность их программных и тактических взглядов [1]). Это восстановило против него весь эмигрантский муравейник обломков народнического периода русской истории. С тех именно пор, т.-е. с самого своего появления, марксизм сделался ненавистным нашей „демократической" интеллигенции за свою „резкость", прямоту, неуважение к традициям и „святыням". На Плеханова нападали за то, что он вносил раскол в революционное движение, за то, что он развенчивал все дорогие русской интеллигенции идеалы и т. п. Словом, повто-

---

[1]) Если бакунисты отрицали политическую борьбу и проповедывали анархически-общинный строй, то бланкисты (названные так по имени знаменитого французского революционера Бланки), наоборот, все надежды возлагали на захват власти кучкой смелых заговорщиков, которые потом путем декретов должны были ввести социалистический строй.

рилось то же, что не раз приходилось испытывать самому Марксу и накануне 1848 г., и особенно в годы эмиграции.

Во главе врагов Плеханова стал наиболее видный из оставшихся в живых публицист и практик „Народной Воли"—бывший редактор ее центрального органа и член „распорядительной комиссии" Исполнительного комитета Лев Тихомиров. И неудивительно: его наиболее беспощадно развенчивал и критиковал Плеханов в „Наших разногласиях". Но ирония истории пожелала, чтобы спустя всего три года, в 1887 г., этот „столп" народничества открыто перешел на сторону самодержавия, написав брошюру „Почему я перестал быть революционером", получив прощение царя Александра III и сделавшись потом редактором самых реакционных, самых черносотенных органов печати. И в то время, как все революционеры были поражены таким почти небывалым в летописях революционного движения ренегатством, именно Плеханов в своей замечательной брошюре „Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова" дал объективное, научное, социально-психологическое объяснение этому факту: он приписывал его тому душевному опустошению, которое должен был вызвать у Тихомирова окончательный крах народовольческих организаций и связанных с ними революционных надежд.

И тут же он указывал, что подобный случай, случай искреннего перехода из лагеря крайних революционеров в лагерь крайних монархистов, не может произойти в среде марксистов, идеалы и надежды которых связаны с *прогрессивно растущей силой*: капитализмом и неизбежным его спутником—пролетариатом.

Уже в „Наших разногласиях", на ряду с критикой теоретических взглядов народничества, мы находим также богатейший *фактический* статистико-экономический материал, доказывающий разрушение общины, расслоение деревни и кустарей, рост капитализма; но особенно подробно проводится и обосновывается та мысль, что в России развивается капитализм, вызывая ломку всех прежних патриархальных отношений и новые классовые группировки,—в знаменитых внутренних обозрениях издававшегося Плехановым с

1888 по 1892 г. журнала „Социал-Демократ“. Эта же мысль иллюстрируется критическим разбором „Наших беллетристов—народников“, где Плеханов впервые выступает, как марксистский литературный критик.

Но вся эта огромная идейная работа лишь весьма медленно делает свое дело: в России господствует душная реакция 80-х годов, да и заграничные издания Плеханова в ничтожном количестве просачиваются в Россию, воспитывая тех первых марксистов, которым потом суждено было образовать старую гвардию будущей социал-демократической, а затем и коммунистической партии.

Таким образом, в лице Плеханова, русский марксизм с первых своих шагов вступает в бой не только с самодержавием и либерализмом, но и со всеми видами и оттенками мелко-буржуазного социализма, каким по существу всегда было наше народничество. И нынешние большевики являются в этом отношении прямыми и непосредственными учениками Плеханова.

Второй этап борьбы Плеханова с народничеством—это эпоха „легального марксизма“, начало царствования Николая II и некоторого общественного оживления, когда марксисты, по тогдашнему выражению Струве, „дорвались до печатных станков“ и смогли, наконец, на равных правах отвечать клеветавшей на них народнической публицистике, монопольно владевшей всеми почти „прогрессивными“ органами печати. Правительству выгодна была распря в демократическом лагере. Оно не понимало, что именно в борьбе лучше всего выковывается и крепнет революционная партия. В марксизме оно на первых порах не разглядело серьезной опасности. Этим и объясняется, что с 1894 г. марксистам удается, время от времени, пользуясь эзоповским языком и философской терминологией, проводить свои взгляды, непонятные цензуре, но понятные новым читателям.

В это именно время и появляются, под разными псевдонимами, одна за другой книги и статьи Плеханова: Бельтов „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, в самом конце 1894 г., затем в следующем году статья „Несколько слов нашим противникам“, под псевдонимом „Утис“

(„Никто"), в сожженном цензурой, но все же попавшем в публику сборнике и „Письмо к г. Гольцеву" в „Русской мысли", под псевдонимом „Ушаков" (обе эти статьи переизданы потом в сборнике „За 20 лет"). Наконец, в 1896 г. выходит, под псевдонимом Волгина, „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова".

Трудно передать теперь, спустя почти 30 лет, то впечатление, которое произвела книга Бельтова, то необыкновенное волнение, ту поразительную встряску, тот огромный умственный сдвиг, которые она вызвала. Впервые перед широкой аудиторией была изложена в достаточно прозрачной и увлекательной форме вся глубоко-революционная и всеохватывающая философия марксизма. Впервые, далее, перед той же широкой аудиторией были намечены перспективы будущего освободительного движения России и роль в нем пролетариата.

При чтении ее казалось, будто крылья вырастают на спине. Все сочувствовавшие марксизму испытывали настоящий восторг от этой явной победы нового направления над народничеством, до сих пор почти безраздельно господствовавшим над молодежью и обвинявшим марксистов в прислужничестве капиталу. И, действительно, эффект книги Бельтова был прямо волшебным. Она сразу повернула симпатии лучшей, наиболее мыслящей и чуткой части еще неопределившегося студенчества в сторону нового учения. Люди буквально в одну ночь становились марксистами. Правда, увлечение это не могло быть прочным, но в данный момент оно создавало вокруг марксизма благоприятную атмосферу, заставляя даже многих старших представителей народничества пересмотреть свое отношение к русскому марксизму и в то же время идейно подготовляя наиболее активную часть студенчества к будущей практической работе в качестве пропагандистов и организаторов рабочих кружков.

В книгах и статьях этой эпохи к обычному остроумному и язвительному тону, в котором Плеханов был всегда большим мастером, примешивается изрядная доля явного издевательства и прямого презрения к народникам; это несомненно объясняется тем, что, если в 1884 г., в „Наших разногласиях"

Плеханов выступил против настоящих революционеров, когда еще не отзвучали последние отклики их героической борьбы с царизмом, то теперь, в середине 90-х г. он имел перед собою „легальных“ народников, жалких эпигонов [1]) и крохоборов, совершенно разуверившихся в возможности победоносной революционной борьбы и ожидавших любезных им народнических „реформ“ (в смысле закрепления общины, поощрения кустарных промыслов и артелей) от либерального „общества“ и даже от правительства.

И Плеханов был, действительно, беспощаден к ним. Ему удалось совершенно подорвать авторитет таких „властителей дум“, таких „почтенных“ представителей старого поколения, как известный критик и социолог Михайловский, таких ученых историков, как проф. Кареев. А такие писатели, как Кривенко и особенно известный экономист-народник В. В. (Воронцов) после книг Плеханова сразу становились посмешищами в общественном мнении тогдашней молодежи. Полемика Плеханова буквально убивала.

Литературная борьба Плеханова с народничеством в середине 90-х г.г., подкрепленная таким внушительным доказательством, как летняя стачка 1896 г., сделала свое дело — дело идейного завоевания умов. „Революция в головах“, которая, по выражению Маркса, предшествует „революции на деле“, совершилась. Теперь ученики Плеханова все усилия направили на подготовку этой второй революции. Но здесь, в практической революционной работе, они столкнулись не только с оппортунизмом в собственном лагере, в лице „экономистов“, но и с возрождением революционного народничества в виде партии—соц.-революционеров. И в эту эпоху, в эпоху „Искры“ и „Зари“ 1901—1903 г., наступил третий фазис борьбы Плеханова с народничеством. С-ры были партией, утратившей теоретическую невинность бунтарей и народовольцев. Они представляли собою в теоретическом отношении беспринципную помесь мелкобуржуазного социализма и марксистского ревизионизма [2]) с политическим тер-

[1]) Т.-е. выродившихся потомков.
[2]) Об „экономизме“ и „ревизионизме“ см. следующую главу.

роризмом, и в их рядах совмещались „либералы с бомбой“ с будущими максималистами и анархистами. Само собой понятно, какую благодатную пищу давали они полемическому настроению Плеханова. Эти годы вообще были его второй молодостью, когда он с пылкостью юноши и в печати, и в эмигрантских колониях, наряду с Лениным и Мартовым, сражался одновременно с народничеством и общеевропейским оппортунизмом.

В это время, в ответ на обычные обвинения в „резкости“ и „нетоварищеских“ приемах его полемики, Плеханов в своем кругу любил рассказывать следующий анекдот (он, как известно, был большой любитель и мастер рассказывать политические анекдоты).

„Народник Мозговой был предан суду за оскорбление начальника тюрьмы. На суде в своем свидетельском показании этот тюремный смотритель показал: „Когда я вошел в камеру, обвиняемый довольно резко заметил: „Пошел вон, мерзавец!“

„Так и эс-эры,—добавлял Плеханов,—обижаются не на существо нашей критики, а лишь на „резкость“ ее тона“.

IV.

Плеханов и оппортунизм.

Начиная с конца 90-х годов, Плеханов выступает против нового врага революционного марксизма, на этот раз не только русского, но и международного. Этот враг—оппортунизм или реформизм, пытавшийся заменить теорию пролетарской революции борьбой за реформы в рамках буржуазного общества, а непримиримую борьбу классов—сотрудничеством пролетариата с прогрессивной частью буржуазии. После известной книги германского с.-д. Бернштейна это течение получило название „ревизионизма“, т.-е. стремления „пересмотреть“ учение Маркса с целью вытравить из него такие „устарелые“, „бланкистские“ взгляды, как социальный переворот, диктатура пролетариата и т. п.

Основные положения ревизионизма состояли в следующем.

Предсказания Маркса о дальнейшем ходе капиталистического развития, со все бо́льшей концентрацией капиталов в немногих руках, с усилением и обострением классовой борьбы,— эти предсказания не оправдались. Промышленные кризисы, с их десятилетними циклами, прекратились. Число мелких собственников не уменьшается, а растет, и, благодаря акционерным компаниям, они становятся участниками капиталистических предприятий и поэтому заинтересованы в сохранении капиталистического строя. Положение рабочих в общем не ухудшается, а улучшается, и они начинают завоевывать ряд позиций в парламентах, в самоуправлении, в экономической и культурной жизни. Поэтому нет никаких оснований ожидать той „социальной революции", того „крушения" или „катастрофы", которую предсказывал Маркс. Наоборот, пропасть между главными классами буржуазного общества все больше сглаживается, и борьба за социалистический идеал должна быть лишь мирной, идейной. Социализм может осуществиться не путем революции и диктатуры пролетариата, а путем медленного и постепенного „врастания" элементов нового, будущего общества в настоящее.

Впрочем, самый социализм, может быть, и останется лишь недосягаемым идеалом, который в жизни никогда не воплотится. Для нас он важен только, как маяк, освещающий нам путь. Для нас, как гласит знаменитая фраза Бернштейна, „движение—все, конечная цель—ничто". Другими словами, важнее всего не грядущий туманный идеал, а конкретные реформы сегодняшнего дня.

С этой точки зрения нужно отказаться от теоретической основы марксизма—исторического материализма, так как, по мнению Бернштейна, деятельностью людей в новейшее время все более руководят не стихийные экономические силы, а сознание и идейные факторы; нужно отказаться также от непримиримой революционной тактики марксизма; нельзя рассматривать всю буржуазию, как врага; с наиболее передовой частью ее необходимы соглашения и совместная работа для осуществления демократических, экономических и культурных реформ.

Социально-исторические предпосылки ревизионизма и оп-

портунизма вообще состояли в следующем. Европа после Парижской Коммуны не переживала ни войн, ни революций. Рабочий класс в большинстве европейских государств завоевал всеобщее избирательное право, свободу слова, печати и организаций. А с середины 90-х г.г. европейская промышленность вступила в полосу подъема и процветания. Кроме того, в ряды социалистических партий или под их влияние вступили широкие народные массы, ждавшие от них конкретных улучшений своего положения. А успехи социализма, равно как политическое и идейное банкротство либеральной буржуазии, толкнули в сторону социалистов многочисленных „попутчиков" из мелкой буржуазии и интеллигенции, которые привили значительной части социалистов свою мелкобуржуазную психологию. Все это и создало особую идеологию в лице близоруких и „соглашательски" настроенных социалистов, которые вообразили, что эпоха революций миновала навсегда.

Дальнейшие события—вплоть до мировой войны, русской и германской революции—с очевидностью показали, кто был прав, ревизионисты или старый, революционный марксизм, выросший и закаленный в революционных бурях середины XIX в. То, что оппортунистам казалось мирным переходом от капитализма к социализму, было лишь новой, империалистической фазой буржуазного общества. И если прежние периодические кризисы исчезли (сменившись продолжительными эпохами „депрессии", угнетенного состояния промышленности), так как европейский капитализм расширил свое влияние на весь земной шар, то это именно завоевание мира подготовляло новый, небывалый по своей остроте и ширине захвата кризис, который и разразился в форме мировой бойни и ее следствий—революций и новых экономических кризисов.

И вот этому ревизионизму, как и всем видам оппортунизма, Плеханов—в промежуток времени от 1898 до 1902 г.—наносит воистину сокрушительные удары.

Он начал борьбу прежде всего с оппортунизмом в рядах русской социал-демократии, в лице „Союза русских с.-д. заграницей", образованного из молодых эмигрантов, где то-

гда видную роль играл недавно умерший кооператор Акимов - Махновец, а также будущие члены „Союза освобождения“, основанного Струве, либералы и „демократы“ Кускова и Прокопович. Все они были поклонниками Бернштейна, отрицали в будущем социальную революцию, а для России отрицательно относились к необходимости звать рабочих на политическую борьбу. Кускова была автором документа, получившего известность под названием „Credo“ („Символ веры“), в котором доказывалось, что борьбу за политическую свободу в России должна взять на себя буржуазная интеллигенция, а с рабочих достаточно будет вести лишь экономическую борьбу за улучшение своего положения. Этот документ успел уже вызвать протест 17 сибирских ссыльных с.-д., с Лениным во главе, когда против этих „молодых“ выступил Плеханов и в ряде блестящих и остроумных статей и брошюр доказывал весь вред для рабочих „экономизма“, т.-е. сведения всей с.-д. деятельности к стачечной борьбе, кассам взаимопомощи и т. д.

Плеханов предостерегал читателей от смешения класса с партией. Если рабочий класс в целом начинает свою освободительную борьбу сперва в форме экономической, в форме отдельных, групповых столкновений с эксплоататорами, то партия, как сознательный авангард рабочего класса, должна звать рабочих и к политической борьбе, должна брать на себя почин в этой борьбе. „Для партии,—писал Плеханов,—момент политической борьбы наступает каждый раз, когда она встречает повод для политической агитации, а у нас в России поводы для такой агитации встречаются никак не реже, чем поводы для агитации на экономической почве“. При этом „наша партия возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а, следовательно, и гегемонию [1]) в этой борьбе“.

На первых порах проповедь Плеханова встречала мало отклика среди нового поколения с.-д. молодежи, и он испытывал большое моральное страдание при виде того, как почти все приезжающие из России с.-д. заражены „экономизмом“ и другими видами оппортунизма.

[1]) Т.-е. руководство.

Но вот в конце 1900-го г. приезжают за границу Ленин, Мартов и Потресов; вместе с Плехановым, Аксельродом и Засулич начинают издавать „Искру" и „Зарю", и Плеханов оживает. Всю борьбу с русским „экономизмом" берет на себя Ленин, а Плеханов посвящает себя, главным образом, теоретической борьбе с бернштейнианством и оппортунизмом вообще. В 1901 г. печатаются в „Заре" его замечательные статьи „Критика наших критиков", изданные потом отдельной книгой. Эти статьи направлены против Струве, который тогда еще считал себя социалистом, и против самого Бернштейна, и представляют огромную теоретическую ценность, являясь, на ряду с книгой Каутского (тогда тоже революционного марксиста) „Антибернштейн", лучшим марксистским сочинением против оппортунизма.

Плеханов (так же, как впоследствии Ленин) доказывает здесь, что все попытки заменить революционный марксизм, с его непримиримой классовой борьбой и диктатурой пролетариата, — реформизмом означают не что иное, как штопание капиталистического строя, которое есть по существу не борьба с капитализмом, а его защита. „Таким образом,—говорит Плеханов, наш „неомарксизм" [1]) является самым надежным оружием русской буржуазии в борьбе за ее господство в нашей стране... Мы нисколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле до степеней весьма „известных" и станет, например, во главе наших либералов" (курсив Плеханова). Как известно, по отношению к самому Струве это пророчество оправдалось уже на следующий год, когда он основал либеральный журнал „Освобождение" и заложил основы будущей кадетской партии.

В статье против Бернштейна Плеханов писал: „Он стал затемнять классовое сознание рабочих, выступив с проповедью марксизма, „пересмотренного" им со специальной целью успокоения буржуазии". И „значительная часть обра-

[1]) Под „неомарксистами", т.-е. новыми марксистами, тогда разумели русских легальных марксистов, желавших переделать Маркса на свой либерально-интеллигентский манер.

зованной буржуазии хорошо поняла, до какой степени выгодно для нее“ такое распространение ревизионизма.

В другом месте (в предисловии к русскому изданию „Манифеста коммунистической партии“, в 1900 г.) Плеханов писал по поводу того же Бернштейна:

„Во второй половине 80-х годов у нас появился особый вид „социалиста“, главная и, можно сказать, мучительная забота которого заключалась в том, чтобы не испугать либерала. Призрак испуганного либерала до такой степени пугал социалистов этого вида, что вносил несказанную путаницу во все их теоретические рассуждения. Г. Бернштейн очень напоминает таких „социалистов“. Его главная забота состоит в том, чтобы как-нибудь не испугать демократическую буржуазию. Если он отказывается от материализма и рекомендует вернуться к Канту, то единственно потому, что кантианизм оставляет место для религиозного суеверия, а г. Бернштейну не хочется шокировать религиозные суеверия современного буржуа. Если г. Бернштейн восстает против материалистического учения о необходимости, то лишь потому, что, будучи применено к общественным явлениям, это учение не оставляет никакого места для упований пролетариата на благожелательность буржуазии, а следовательно, и для взаимного сближения этих двух классов. Наконец, если г. Бернштейн не любит „фразы“ на счет диктатуры пролетариата, то это опять-таки единственно потому, что она неприятно режет слух даже самой „демократической“ буржуазии. Но людям, не пугающимся призрака испуганных буржуа, вопрос о диктатуре пролетариата представляется совсем не в том свете, в каком видит его г. критик“.

При этом, конечно, Плеханов не ограничивался тем, что в писаниях оппортунистов разыскивал их буржуазную природу. Для опровержения их „критики“ Маркса он приводил массу убедительнейших доказательств, философских, экономических, исторических, статистических. Вместе с тем, считая, как мы видели, оппортунизм, т. е. притупление классовой борьбы, отрицание диктатуры пролетариата и т. п., согласно позднейшему выражению Ленина, „проводником буржуазного влияния на пролетариат“, Плеханов, конечно, понимал, что

в момент революции борьба между революционным марксизмом и оппортунизмом перестанет быть только идейной, теоретической. Вот что он писал уже во 2-м номере „Искры" в феврале 1901 г., в статье „На пороге XX века":

„Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX-го века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед нами великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживаются два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX-го века приведет к тому, что можно будет, mutatis mutandis, назвать разрывом социал-демократической „Горы" с социал-демократической „Жирондой" [1]).

Очевидно, логика вещей заставит при этом действовать социал-демократическую „Гору", или якобинцев на подобие якобинцев классических. Что Плеханов сочувствовал якобинским методам в революции, видно уже по его статье в „Социал-демократе" 1889 г., посвященной столетию Великой французской революции. В „Критике наших критиков", в статье против Бернштейна мы читаем: „Всякий, неослепленный предрассудками человек должен... признать, что демократическая конституция совсем не обеспечивает от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежными такие потрясения и перевороты". А из его знаменитой речи на 2-м съезде партии видно, как мало почтения питал Плеханов к формальному демократизму. „Если бы

---

[1]) „Mutatis mutandis" значит—при соответственно изменившихся условиях. „Гора" и „Жиронда"—две партии во французской революции конца XVIII в. „Гора" была крайней революционной партией мелкой буржуазии. Свергнув власть жирондистов, умеренной буржуазной партии, партия „Горы" казнила ее вождей за контр-революционные восстания и агитацию.

ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии [1]. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права .. И на эту же точку зрения мы должны были стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—своего рода chambre introuvable [2])—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели".

Таким образом, можно предположить, что, если бы ирония истории в начале мировой войны не поместила самого Плеханова в ряды социал-демократической Жиронды, если бы он жил до сих пор, оставаясь верным своим взглядам начала 1900-х годов, то в практической борьбе с противниками революционного марксизма он стал бы на позицию III Интернационала.

V.

Плеханов и тактика социал-демократии.

Этого не случилось. И не случилось именно потому, что в тактике, в решении практических вопросов революционной борьбы Плеханов был гораздо менее силен, чем в теории, и не обладал тем чутьем действительности и той решительностью, какими обладает Ленин. Поэтому уже вскоре после

---

[1]) Т.-е., что „успех революции—высший закон".

[2]) „Небывалую палату". Так названа была по своей реакционности одна палата депутатов во Франции перед революцией 1830 г. Плеханов, конечно, имеет в виду парламент, „небывалый" по своей революционности.

II-го съезда партии, когда развертывавшаяся революционная борьба в России требовала немедленных и быстрых директив, Плеханов не раз колебался, не раз менял свою позицию. Поэтому также, если в области теории, как продолжатель Маркса и истолкователь его учения, Плеханов был всегда общепризнанным авторитетом и учителем в рядах всей русской социал-демократии, то в области тактики, как стратег и руководитель в непосредственной политической борьбе, он не раз встречал резкую оппозицию и имел внутри партии много противников.

И неудивительно. Ведь тактика, т.-е. способ вести борьбу, зависит от многих обстоятельств, и потому не может быть чем-то раз навсегда неизменным, чем то общепризнанным даже в рядах одной и той же партии. Искусство вести политическую борьбу, как и военное искусство, является делом сложным. Умение во время изолировать главного и наиболее опасного противника, умение находить себе союзников и не дать изолировать себя, выбирать надлежащий момент для наступления, а в случае надобности, во-время отступить с наименьшими для себя потерями, избегать всяких опрометчивых шагов,—все это необходимо каждой политической партии и особенно партии рабочего класса. Но именно сложность политической обстановки, особенно у нас в России, которая,—как писал Маркс про Германию 60-х годов XIX века,—страдала не столько от развития капитализма, сколько от недостатка этого развития, эта сложность и вызывала те разногласия в области тактики, которые всегда существовали в рядах русской социал-демократии.

Плеханов, вместе с своим другом и соратником П. Б. Аксельродом, пытался перенести на русскую почву основы тактики и опыт европейской, особенно германской социал-демократии, и притом в то время, когда эта социал-демократия, как и все почти марксистское крыло II Интернационала, оставаясь на словах, в теории—революционной, на деле, в своей повседневной практике все более скатывалась к оппортунизму. В этом отношении и Аксельрод и отчасти Плеханов могут считаться родоначальниками меньшевизма, как особого вида социал-демократической тактики.

Далее, Плеханов, перейдя от народнического анархо-социализма к марксизму, пришел к убеждению,—и этому убеждению он остался верен всю свою дальнейшую жизнь,—что ближайшая революция, которую предстоит пережить России, будет революцией буржуазной, что она лишь расчистит путь для свободного развития капитализма и для свободной борьбы пролетариата за социализм. Плеханов, конечно, хорошо понимал, что именно пролетариат будет главной движущей силой революции. Мы знаем, что еще в 1889 г., на первом международном социалистическом конгрессе в Париже он сказал свою знаменитую, ставшую пророческой, фразу о том, что революция в России победит, как революция рабочих, или ее не будет вовсе. Однако, он в то же время всегда был уверен, что рабочий класс может быть лишь застрельщиком, передовым борцом, „гегемоном", или вождем революции, но что революция по своим результатам будет все же буржуазной, т. е. что плодами ее воспользуется, главным образом, буржуазия.

При этом Плеханов, как это особенно сказалось в революции 1917 г., недостаточно учел международное значение русской революции, тот факт, что отсталая в экономическом отношении Россия может стать авангардом мировой пролетарской революции и потому та пролетарская партия, которая победит в революции, и станет у власти, вынуждена будет придать революции, социалистический характер. Между тем эту возможность отчасти предвидел уже Маркс, который в 1882 г. в предисловии к русскому изданию „Манифеста коммунистической партии" писал, преувеличивая значение русской общины: „Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнять друг друга, тогда современное русское общинное землевладение может послужить исходной точкой коммунистического развития".

Когда Маркс писал эти строки, о русском пролетариате, как самостоятельной революционной силе, еще не было речи. Но весной 1905 г. даже меньшевистская конференция приняла резолюцию, что „если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы", то русская социал-

демократия „по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках", при чем тогда „явится возможность выступить на путь социалистических преобразований".

И по вопросу о захвате власти пролетариатом в ближайшей русской революции, хотя бы по своим окончательным результатам и буржуазной,—Плеханов колебался. В своей замечательной книжке „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России", вышедшей в 1892 г., Плеханов в ожидавшейся им в близком будущем революции ставит социалдемократии задачу о т н ю д ь н е з а х в а т а в л а с т и, а лишь борьбы за наибольшее количество прав и свобод, за наиболее выгодные политические и экономические условия для рабочего класса в буржуазном государстве. А на 2 м съезде партии, в 1903 г., как мы уже видели, он вполне допускал возможность, что социал-демократия придет к власти и даже решится на лишение буржуазии политических прав.

Таким образом, смелый революционер якобинец боролся в Плеханове с осторожным и трезвым, иногда слишком осторожным и трезвым, слишком рассудочным теоретиком и временно побеждал то тот, то другой.

Плеханов всегда доказывал, что, борясь с классом капиталистов, стараясь привлечь на свою сторону мелкую буржуазию и крестьянство, которые тоже страдают от крупного капитала, социал-демократия должна в то же время бороться против всякой попытки представителей мелкой буржуазии п о в е р н у т ь н а з а д к о л е с о и с т о р и и, вернуться к докапиталистическим, патриархальным общественным отношениям. И вот на этом основании Плеханов не только выступил против народнического социализма, который надеялся, что Россия сможет стать социалистической, п е р е с к о ч и в через буржуазный, капиталистический строй, что повело бы на деле лишь к укреплению мелко-буржуазных отношений; он выступил также и против революционно-демократического лозунга „диктатуры пролетариата и крестьянства", выдвинутого Лениным еще в 1905 г.

Плеханов, считая крестьянство союзником пролетариата в

политической борьбе за раскрепощение России, не особенно доверял творческим революционным способностям русского крестьянства и на Стокгольмском съезде партии в 1906 г. предсказывал, что, получив землю, крестьянство может перейти в лагерь реакции. Наоборот, городскую промышленную буржуазию Плеханов считал классом прогрессивным, так как она длительно заинтересована в развитии производительных сил и, следовательно, в общем прогрессе России.

Поэтому он всегда приглашал рабочих поддерживать буржуазию во всех тех шагах ее, которые направлены против старого режима. Перед лицом главного врага—царского самодержавия—он допускал и даже считал необходимыми временные союзы с прогрессивной буржуазией. Эти мысли он высказывал и на 2-м съезде партии, и в 1905 г. и особенно во время первой Государственной думы, весной 1906 г., в своих письмах „О тактике и бестактности", печатавшихся в тогдашних меньшевистских газетах, но отпугивавших даже многих меньшевиков.

В то время, как большевики, с Лениным во главе, все свои удары направляли против кадетской думы, так как считали ее трусливое соглашательство вредным обманом народа, усыплявшим его революционную энергию, Плеханов, наоборот, считал такую тактику большевиков гибельной, считал, что она разбивает силы против общего врага и тем лишь укрепляет самодержавие.

Он ссылался при этом неоднократно на известную фразу из Коммунистического Манифеста Маркса и Энгельса о поддержке коммунистами всякого революционного и оппозиционного движения других партий и классов против старого режима. Но он как бы забывал, что писал Маркс о европейской и в частности германской буржуазии во время и после опыта революций 1848 г. Забывал он и фразу из Манифеста Российской Соц.-дем. раб. партии 1898 г. о том, что чем дальше на Восток, тем трусливее и подлее становится буржуазия; не понимал он, что русская буржуазия больше ненавидела революционный пролетариат, чем царское самодержавие, у которого она время от времени выпрашивала подачки.

Еще раньше, в разгар революции 1905 г., Плеханов предупреждал пролетариат не переоценивать своих сил, считал ошибочным призыв рабочих к декабрьскому восстанию, так как, по его мнению, этим восстанием пролетариат изолировал себя, лишался поддержки буржуазных элементов и тем обрекал на поражение и себя и революцию.

И здесь Плеханов снова отступил от революционной тактики самого Маркса, который морально поддерживал геройскую борьбу парижских рабочих во время коммуны 1871 г., хотя, конечно, понимал, что она обречена на неудачу. А в своем стремлении не оттолкнуть буржуазию, не отпугнуть ее слишком „бестактным“ поведением пролетариата Плеханов сам сделался жертвой той заботы, „чтобы не испугать либерала“, над которой, как мы знаем, он так язвительно и зло смеялся в своей полемике против Бернштейна.

Наконец, уже после разгона 2-й Думы, при выборах в 3-июньскую столыпинскую Думу [1]) Плеханов снова предлагал, в случае черносотенной опасности, вступать в соглашения с кадетами и обратился даже с письмом к рабочим через беспартийную мелко-буржуазную газету „Товарищ“, где уговаривал не подчиняться той избирательной платформе, которую выработал объединенный центральный комитет с.-д. партии (в большинстве большевистский).

Таким образом, если в борьбе с русским „экономизмом“ и международным оппортунизмом Плеханов стоял на истинно революционной марксистской позиции, стоял на точке зрения классовой непримиримости и смелой революционной инициативы пролетариата и его партии, то в позднейшие годы, при наступлении революционной эпохи, он сам не раз становился на путь соглашательства, постепеновщины и оппортунизма.

Зато в организационных вопросах, в вопросах партийного строительства Плеханов всегда был и оставался ближе к большевикам, чем к меньшевикам. Он был сторонником сплоченной, централизованной партии, со строгой партийной дисциплиной и властным центральным комитетом, тогда как

[1]) Т-е. созванную Столыпиным после того, как 3-го июня 1907 г. был изменен избирательный закон.

меньшевики с самого своего возникновения, как отдельной фракции внутри социал-демократии, проповедывали расплывчатые формы организации, доходившие до смешения партии с любыми рабочими группами и объединениями. Поэтому, когда на 2-м съезде партии произошел раскол на большинство и меньшинство именно по вопросу о роли централизации и дисциплины в партии, Плеханов остался с большинством и вместе с Лениным редактировал одно время центральный орган партии—„Искру". Но затем он перешел к меньшевикам, разойдясь с большевиками в вопросах тактики. Весной 1905 г. Плеханов снова разошелся с меньшевиками по организационному вопросу и остался вне фракций, издавая свой „Дневник социал-демократа". На Стокгольмском съезде 1906 г. и Лондонском 1907 г. Плеханов опять был с меньшевиками, пока вопрос о так называемом „ликвидаторстве" не оттолкнул его надолго от меньшевиков и даже от его старого друга и единомышленника П. Б. Аксельрода.

Дело в том, что после разгрома революции, после Лондонского съезда 1907 г., когда, под влиянием реакции, начался распад партийных организаций, значительная часть меньшевиков считала необходимым совершенно распустить, „ликвидировать" старую, подпольную организацию и главную арену своей деятельности видела в так называемых „открытых" или легальных формах рабочего движения, которые в некоторой степени стали доступными рабочим после первой революции: профессиональных союзах, кооперативах и просветительных обществах, общественных съездах с участием рабочих, в легальной рабочей печати и с.-д. фракции Государственной думы. Плеханов же, как и большевики, считал отказ от старой подпольной партии и ограничение деятельности с.-д. одними лишь легальными рамками—изменой старым революционным заветам русской соц.-демократии, изменой подлинным интересам рабочего класса. На почве борьбы с „ликвидаторством" произошло временное сближение Плеханова с большевиками. Он участвовал в большевистских газетах и выступал вместе с большевиками и против „ликвидаторов", и против меньшевистских вождей вообще, как Мартов, Дан и даже Аксельрод.

Впрочем, незадолго до войны Плеханов снова разошелся с большевиками, так как он стал проповедывать необходимость объединения всех с.-д. фракций и течений, даже тех, с которыми он несколько лет так энергично и страстно боролся, а большевики были против такого всеобщего объединения и требовали признания своей тактики и организации.

Но вот вспыхнула мировая война, и с Плехановым произошло то, что—увы—случилось с столь многими вождями II-го Интернационала, в том числе и с теми, которые считали себя революционными марксистами.

Он стал на патриотическую точку зрения, был искренно убежден, что „правда“ и „справедливость“ на стороне стран „Согласия“ („Антанты“), что их победа доставит торжество „демократии“ и будет в интересах рабочего класса всех стран, тогда как победа германского империализма будет равносильна полному и длительному закрепощению пролетариата и в побежденных странах, и в самой Германии.

В этом своем патриотическом увлечении Плеханов зашел так далеко, что оказался почти совершенно одинок в рядах русских с.-д. Его позиции не разделяли даже многие крайние „оборонцы“, т.-е. те с.-д., которые считали, что русский пролетариат должен поддерживать войну, так как и до тех пор, пока Россия „обороняется“. В то время, как они первым условием успешной защиты России считали свержение преступного самодержавия, Плеханов предостерегал рабочих от политических стачек, т.-е. от революционной борьбы с правительством на время войны, советовал думской с.-д. фракции голосовать за военные кредиты и т. д.

Теперь, когда после военнного разгрома Германии войсками Антанты, такие „великие демократии“, как Франция и Америка оказались центрами самой черной мировой реакции когда они душат рабочий класс и у себя, а Франция и в ограбленной, обезоруженной и обескровленной Германии,—теперь, конечно, не приходится доказывать всю ошибочность и весь вред для рабочего класса позиции, занятой Плехановым во время войны. Но эта его позиция не была все же простой изменой своему прошлому. Наоборот, Плеханов по своему лишь проводил и тут главный и основной принцип своей

всегдашней тактики: из всех врагов рабочего класса выделить наиболее ненавистного и опасного в данный момент и для поражения его вступать во временные союзы со всеми остальными. Раньше, когда таким врагом было русское самодержавие, Плеханов звал рабочих к поддержке „прогрессивной“ буржуазии и даже к союзу с ней, неправильно оценивая ее прогрессивность и способность к борьбе и забывая, что такие союзы могут быть гибельны для пролетариата, которого они лишают самостоятельности и революционной инициативы, а нередко даже затемняют его классовое самосознание и делают его простым орудием в руках ловких буржуазных политиков.

Теперь, во время войны, таким наиболее ненавистным и опасным врагом не только русского, но и всемирного пролетариата Плеханов считал германский империализм и в борьбе с ним он допускал соглашения с буржуазией и даже временное примирение с царизмом. Но при этом он не понимал, что в империалистической войне нет нападающих и защищающихся, что она была лишь дракой всемирных хищников из-за дележа эксплоатируемого ими мира; далее, что империализм Франции и Англии, не говоря уже о России, был нисколько не лучше и не прогрессивнее германского, и, наконец, что безумная, братоубийственная война рабочих разных стран друг против друга бесконечно вреднее и гибельнее для дела рабочего класса и социализма, чем победа той или иной коалиции империалистических держав.

Недостаточно оценивал Плеханов и неизбежные революционные перспективы войны, неизбежный глубокий кризис и даже крах капитализма, который она принесет с собою. Ослепленный своей односторонней ненавистью к германскому империализму, Плеханов не видел всего того, что видели наиболее проницательные представители крайнего левого крыла тогдашних социалистических партий, с Лениным во главе, и эта ошибка в оценке момента привела его к роковому падению.

Точно так же, как мы уже указывали в первой главе, когда началась февральская революция, Плеханов, верный сво-

ему всегдашнему убеждению, что революция в отсталой России может быть только буржуазной, и считая попрежнему, что и после низвержения царизма главным врагом русского пролетариата остается германский империализм,—предостерегал русских рабочих от углубления революции и звал их к соглашению с буржуазией. В это время он, как мы уже знаем, не только оказался фактически в одном лагере с правыми народниками, но и сблизился с недавними своими злейшими врагами—„ликвидаторами", в то время крайними „оборонцами" и охранителями буржуазных устоев нашей революции.

Зато, когда началась революция октябрьская, которой Плеханов, конечно, не сочувствовал, но в которой, как он видел, участвуют миллионы пролетариев, проявляя огромный подъем духа и энтузиазм,—в Плеханове в последний раз проснулся старый революционер-якобинец и старый революционный марксист—учитель русских рабочих. В отличие от правых соц.-революционеров и большинства меньшевиков, он, поскольку ему пришлось высказываться в последние месяцы его жизни, понимал историческую неизбежность и закономерность октябрьского переворота и его пролетарский характер; он не выступал против большевиков с таким бешенством, как представители всех других партий (в том числе и некоторые члены его собственной организации „Единство", как Алексинский, бывший большевик, а ныне чуть не монархист, соратник Бурцева и Савинкова). Наконец, тоже в отличие от всех других врагов октябрьской революции, он предсказывал новой, большевистской власти довольно прочное и длительное существование и все попытки ее насильственного свержения считал обреченными на неудачу. [1]).

А когда в ноябре 1917 г. Керенский с генералом Красновым собирались разгромить большевистский Петербург и к Плеханову явился Савинков с предложением взять на себя составление министерства после победы казаков Краснова,—вот что ответил Плеханов, по свидетельству его жены: „Я сорок лет отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не со-

[1]) См. статью Н. Иорданского „Основоположник русской революции" в № 1 (4) „Историко-революц. вестника".

ветую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого".

Мало того, когда после разгона Учредительного Собрания некоторые старые враги Плеханова припомнили в печати, что и он в 1903 г. допускал такую возможность, он ответил в своей последней большой напечатанной статье, что он от своих слов не отрекается, и что хотя в данный момент он считает разгон Учредительного Собрания нецелесообразным, но в принципе вполне признает право революционной партии и революционной власти — для блага революции—на такой шаг.

„Высший закон,—писал при этом Плеханов,—это успех революции... Научный социализм судит о правилах политической тактики или, вообще, политики с точки зрения обстоятельств времени и места: он и на них отказывается смотреть, как на безусловные. Он считает наилучшими те из них, которые вернее других ведут к цели, и он отбрасывает, как негодную ветошь, тактические и политические правила, ставшие нецелесообразными. Целесообразность—вот единственный критерий его в вопросах политики и тактики. Но ведь это—верх безнравственности!—кричат хором наши противники, противники научного социализма.—Признаюсь, я никак не могу понять—почему. Тут, как и везде, нет ничего безусловного. Когда общественные деятели, судящие о своих политических и тактических приемах с точки зрения целесообразности, задаются целью угнетения народа, тогда и я, разумеется, готов признать их безнравственными; но когда деятель, усвоивший себе принцип целесообразности, руководится благом народа, как высшим законом, тогда я решительно не вижу, что может быть безнравственного в его стремлении держаться таких правил, которые скорее других ведут к его благородной цели".

Таким образом, уже накануне смерти, Плеханов открыто высказывал те же взгляды на общественную деятельность, то же признание принципа „цель оправдывает средства", которые являются характерными для большевизма. Еще раз между Плехановым и Лениным, несмотря на пропасть, отделявшую их с начала мировой войны, оказалось большое духовное родство.

В самом деле, мы уже знаем, что Плеханов вполне одобрял образ действий французских революционеров-якобинцев в эпоху Конвента, когда они стояли у власти. Между тем в большой статье „Две линии в революции“, появившейся накануне 1917 г., Плеханов-теоретик доказывал, что самый выгодный для будущей русской революции путь—это путь восходящей линии, когда власть сперва попадет к умеренным буржуазным элементам, „конституционалистам“ (октябристы и кадеты), потом к мелкой буржуазии („трудовикам“). „Наконец, после того, как движение примет самый широкий размах, властью овладеют крайние группы“. Всего несколько месяцев спустя, еще при жизни Плеханова, это пророчество оправдалось полностью и самым блестящим образом. Министерство Львова-Гучкова-Милюкова сменилось министерством Керенского—Церетели, а его в свою очередь сменила власть Советов, власть Коммунистической партии.

И если Плеханов-практик, настроенный патриотически и антибольшевистски, не сочувствовал октябрьскому перевороту, то как теоретик революционного марксизма, глубокий знаток великой французской революции и большой поклонник якобинцев,—он не мог не видеть в большевиках новых пролетарских якобинцев и не мог выступать против них так, как все почти остальные тогдашние социалисты. Он, правда, не примкнул к Советской власти, хотя по основным своим убеждениям мог бы это сделать. Но от нового падения его на этот раз спасли революционный такт и революционная диалектика марксизма...

Заключение.

Итак, при всех своих колебаниях в вопросах тактики, при всех отступлениях в своей практической деятельности от истинного духа революционного марксизма, несмотря на неправильную оценку политического положения и нередко неправильное отношение к другим классам и партиям—в такие решающие моменты, как революция 1905—7 г.г., война и обе революции 1917 г.,—Плеханов все же никогда

не был изменником рабочему делу, делу всей своей жизни и до последнего вздоха оставался революционером и в теории и на практике.

При том, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. А Плеханов был в высшей степени активной натурой, был борцом, хотя и идейным, в настоящем, высоком значении этого слова. Ошибки его тактики и внутрипартийной работы забудутся, но его роль, как продолжателя дела Маркса и Энгельса, как основоположника русского марксизма и основателя русской социал-демократии, как учителя многих поколений русской интеллигенции и русского пролетариата, самое существование которого в „варварской" России он первый открыл изумленному миру и которому он предсказал блестящую революционную будущность,—эта роль Плеханова дает ему право на бессмертие не только в глазах русских рабочих, но и в глазах рабочих всего мира.

Практические ошибки Плеханова забудутся. Но то стройное теоретическое здание, которое он создал, останется навсегда прочным достоянием и стойкой идейной опорой революционного марксизма. А для России он был, кроме того, достойным членом и ярким завершением той блестящей плеяды просветителей, которая начинается с Белинского и продолжается Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Лавровым и Михайловским. Только в отличие от них, сохранявших много черт утопизма и мелкобуржуазного народнического социализма, Плеханов был первым и величайщим просветителем-марксистом, умевшим соединять холодную трезвость и ясность мысли с глубоко-революционным миросозерцанием и столь же революционным темпераментом.

И долго еще сознательные рабочие России будут выковывать себе стройное, жизнерадостное и боевое марксистское миросозерцание—по сочинениям Плеханова.

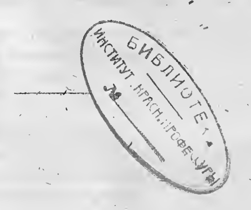
Речь Г. В. Плеханова на Международном Рабочем Социалистическом Конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 года).

Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России—России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата.

Вам всем знакома роль русского абсолютизма в истории Западной Европы. Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцию от Пруссии до Италии и Испании. Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую, например, Николай играл в 1848 и 1849 гг.; ясно, как день, что падение русского абсолютизма равносильно торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом.

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает социально-экономические сведения, рисуют Россию страной в роде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплоатации большинства земледельческого населения. Бед-

нейшая часть крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры, а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, не смотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достататочны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Берлин, П. Карл Маркс и его время, с пред. Н. Н. Попова.

Йенк. Интернациоиал.

Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 г., с пред. Н. Н. Попова.

„ Происхождение христианства.

Ленин и Плеханов. Против Богданова.

Маркс. К. Перед судом присяжных в Кельне.

Меринг. Об историческом материализме.

Петровский. Капитализм и социализм (от Мора до наших дней).

Энгельс. Людвиг Фейербах. (От классического идеализма к диалектическому материализму.)

Энгельс. Сила и экономика в образовании новой Германской Империи.

„ Революция и контр-революция в Германии. II изд.

Энгельс и Маркс. О крымской войне 1853—1856 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Адоратский. Научный социализм.

Корш. Сущность материалистического понимания истории.

Лафарг, П. Экономический детерминизм. К. Маркса.

Луи Поль. История социалистической доктрины.

Люксембург. Коалиционная политика и классовая борьба.

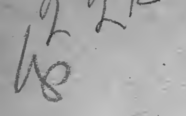
Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль.

„ Критика Готской программы.

Постгейт. Рабочий интернационал.

Топорков. Гегель и материализм.

Энштейн, Г. Капитализм и социализм.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.

